

18+

*Светлана
Борковская*

МОЛИТВА
О ЛЮБВИ

Светлана Борковская

Молитва о любви

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70428490

ISBN 9785006233355

Аннотация

Телевизионная версия тренинга завоевала миллионную аудиторию. В Москве и Париже, Санкт-Петербурге и Лондоне, Берлине, Нью-Йорке, Екатеринбурге, Астрахани, Риге, Казани, Калининграде Светлана делилась искренними, наполненными нежностью и отвагой жизненными историями. Ее рассказы передаются из уст в уста в разговорах по душам как ключи к разгадке в сложных ситуациях, как указатель по дороге к истинному «я». Впервые все рассказы собраны в книге «Молитва о любви».

Содержание

Светлана Борковская	5
Главный вопрос	8
Купе	12
Чегет	15
Обручальное кольцо	21
Коробка с фотографиями	26
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Молитва о любви

Светлана Борковская

Иллюстратор Илья Даньшин

Иллюстратор Мария Ляховицкая

Дизайнер обложки Мария Юганова

© Светлана Борковская, 2024

© Илья Даньшин, иллюстрации, 2024

© Мария Ляховицкая, иллюстрации, 2024

© Мария Юганова, дизайн обложки, 2024

ISBN 978-5-0062-3335-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Светлана Борковская

Молитва о любви

Если бы я не встретила Мишу Ляховицкого,
не было бы ни этой книги, ни этой судьбы.

Моей Еве и всем женщинам, рожденным любить

Я родилась солнечной девочкой с золотыми кудрями и глазами, отражающими небо. Отец назвал меня Светланой – «дарящей свет». «Девочка! Какое счастье!» – воскликнула мама, как только увидела меня и приложила к груди. Этот мир встретил теплом и любовью – мне повезло.

Конечно, я не помню момента своего рождения, но помню, как в Нью-Йорке моя царица-дочь и ее великодушный муж ожидали явления в этот мир новой жизни – девочки по имени Ева. Явления из ниоткуда. Из Космоса. Этот Космос бился и пульсировал в животе ее матери. Там совсем другие законы. Там свет, там пространство. Там оранжево. Там сине. Там тайна. Там покой. Ева уже была совсем готова, но не решалась покинуть свой Космос и явиться в этот плотный, полный страстей мир.

Она выбрала себе хорошую семью, правильных родителей. Мы уже заранее любим ее, но любим по-своему, по-земному. Она приходит, чтобы познать этот мир, познать себя. Она забудет свой Космос, как забыла его я и все мы.

Но жизнь от момента к моменту будет открывать для нее Чудо творения.

Так случилось и в моей жизни. Космос, скрытый в простых, обыденных вещах, неожиданно проявлялся, и я становилась свидетелем Чуда, явления красоты, рождения. Моя жизнь стала дорогой, полной приключений. А в слове «приключение» корень – «ключ». Я искала и продолжаю искать свои ключи, пробиваясь сквозь пелену страдания и непонимания. Я ищу ключи от счастья. И когда нахожу, испытываю восторг от красоты Существования и непреодолимое желание делиться.

Для чего я написала эту книгу? Затем, чтобы отправить послание моей девочке и всем, кому посчастливилось родиться женщиной: не бойтесь жить, идите навстречу судьбе, высоко подняв голову. Не позволяйте испытаниям сломить себя, относитесь к ним как к приключениям, в которых всегда есть тайный смысл. Дорогая моя девочка, помни: Существование за тебя. Я написала эту книгу, чтобы она берегла ключи для тебя. Они пригодятся, когда ты вырастешь и прикоснешься к миру женщин, войдешь в лотосовую долину. Здесь нет советов или указаний, но есть ориентиры и фарватер, на который можно держать курс. Свои маршруты ты выберешь сама. В книге есть секрет: если ты будешь читать ее медленно, оставляя место для пауз, она начнет работать в твоей жизни. Магия, чудо, мистика – называй как хочешь. Немножко волшебства никогда не повредит. Пусть эта кни-

га станет для тебя вдохновением и поданной рукой помощи в трудный час. Ты не найдешь в ней последовательного изложения событий. Память сохраняет пережитое в собственном и единственно правильном порядке, отличном от течения календарного времени, растворяя неважное и высвечивая судьбоносные события, придавая им огранку. Но когда ты прочтешь до конца, все события соединятся в единую связку ключей, открывающих смысл, тайну и радость бытия.

Главный вопрос

Ноябрьским московским вечером я сидела в недавно открытом мною салоне красоты и гладела в окно. Закатное алое солнце освещало темно-серые облака. В окнах дома напротив зажигался свет. Рабочий день, который казался мне самым обычным, а на самом деле перевернул всю мою жизнь, подходил к концу. Ожидая, когда коллеги закончат обслуживать последнего клиента, предавалась любимому занятию – созерцанию.

Я обожаю высвечивать красоту. Этот процесс подобен проявлению фотографии. Помню, как в детстве моему брату родители подарили фотоаппарат – мистический предмет. Мы щелкали всё подряд: собак и кошек, меня, держащую на руках этих же собак и кошек, и меня, поедающую снег. А затем запирались в ванной и включали красную лампу. Брат проявлял пленку, мне же был доверен непосредственно процесс волшебства: я брала белый листок, топила его пинцетом в ванночке с проявителем – так, чтобы никакой уголок случайно не выныривал. И тогда... из темноты, из пустоты постепенно проявлялись наши лица, и георгины из сада, и белье на веревках. Это было чудо: внимательно смотреть и ожидать явления ниоткуда, явления красоты.

Воспоминания прервал грудной голос моего друга и клиента, известного астролога: «Прекрасно, прекрасно. Спасибо».

бо большое». Саша был доволен. Ему очень шла полудлинная стрижка, и вьющиеся, неукротимые, как ему прежде казалось, волосы выглядели элегантно.

Мы сели выпить чаю и по-приятельски побеседовать. И, как будто между прочим, Саша неожиданно произнес короткую фразу: «А знаешь, Света, ты гораздо больше мужчина, чем жизнь того требует».

Оставшуюся часть разговора я не слышала. В голове запечатлелись слова, которые перевернули всю жизнь и открыли новые дороги, о которых даже не подозревала. Проводив гостя, закрыла дверь студии и подошла к зеркалу. В нем я увидела отражение молодой элегантной женщины. Темно-синий пиджак Chanel удачно сочетался с золотисто-рыжими, красиво причесанными волосами. Любимый платок от Sonia Rykiel оттенял нежную кожу. Шелковые мягкие брюки придавали стройности. Туфли от Stephane Kelian – просто шик. Что же не так? Какой такой мужчина? Мужчины в зеркале я не увидела. Но и женщины не было тоже. На меня смотрел профессионал: художник-модельер, мастер международного класса, хозяйка салона. И вдруг меня осенило: всё, что я считала очаровательной женщиной, есть только до безупречности отточенная функция, талантливо сыгранная роль. Все необходимые качества присутствовали в полной мере. Не было лишь самой женщины.

Я вспомнила слова близкого друга, который хотел, но никак не мог жениться. Однажды я спросила его: «Дорогой,

почему ты не женишься? Вокруг так много красивых женщин!» Он ответил: «Красивых много, женщин – нет». Мужчины как будто хотели мне что-то сказать, донести какую-то мысль, но я их не понимала.

Куда же девалась моя женщина? Я точно знаю, что она была. И вдруг – исчезла. А может быть – не вдруг? Просто за другими очень важными делами я не заметила этой пропажи. А ролей и функций в это время я на себя взяла великое множество. Я была матерью двух прекрасных дочерей, любящей, понимающей, внимательной. Была надежным другом: никогда не подводила, выслушивала, успокаивала, старалась помочь. Была хозяйкой салона, в лихие 90-е имела дело с ментами и бандитами, заботилась о сотрудниках и безупречном качестве, была кормилицей семьи, была женой...

Хотя... Если честно, то был не самый счастливый момент супружеской жизни – второй брак, который мы создавали с таким желанием, трепетом и любовью, трещал по швам. Но никто не должен был видеть отчаяния. Я не могла позволить себе поддаться эмоциям. Главное – не признаваться в тотальном одиночестве. Я потерпела полное фиаско и упекла свою женщину во внутреннюю тюрьму на длительный срок в связи с ее полной несостоятельностью.

Приговор гласил: тебя не любят, мужчина выбирает не тебя. Какую-то духовность, о которой я не имею ни малейшего понятия, вместо семьи, вместо дочерей, вместо любви, вместо меня. Что не так? Уже второй раз я встречаю мужчину,

узнаю его и называю мужем, опираюсь на него. И вот он отходит, и я падаю, падаю в пропасть.

Что я знаю о себе как о женщине? Пожалуй, ничего. Думала, что достаточно быть царственной, как моя мама, но я такой не была. Думала, что всё будет получаться само собой, но так не случилось. Я потеряла себя. Главный вопрос прозвучал неожиданно и очень вовремя: «Где моя женщина? Какая она? Чего хочет и ждет?» С этого момента начался поиск, мое исследование, мой путь.

Дорогая моя девочка, это научило меня:

Вселенная говорит с нами через друзей, слова песни,
донесшейся издалека, обрывки разговоров незнакомых
людей,
через вовремя попавшиеся книги и тишину.

Купе

Февраль – не лучшее время для поездки в Питер. Однако выбирать не приходилось. Мой брат оказался там проездом. Мне очень нужен был сейчас близкий человек. И если нам хотелось повидаться, поболтать, погулять и помолчать вместе, нужно было сесть в поезд и – вперед. Я знала, что он ни о чем не спросит, но его присутствие и молчаливая любовь – островок тепла и надежды – были просто необходимы. К моему удивлению, никаких билетов в кассе не оказалось. Чудом мне досталась последняя плацкарта. Хотите верьте, хотите нет, в таком вагоне я оказалась впервые. Боковая полка у окна. Я протиснулась между спящими людьми и усеялась на указанное в билете место, тупо глядя в тускло освещенный потолок, вдыхая смешанный запах вареных яиц, пота и туалета – запах плацкартного вагона. Поезд тронулся, люди торопились. Они брали у проводника белье, стелили его наскоро. Практически не раздеваясь, забирались на полки и, отвернувшись к стене, засыпали. Я же продолжала глядеть в потолок, не снимая шубы и черной английской шляпы, невзирая на жару натопленного вагона. До меня ровно никому не было дела, просиди я так хоть до утра.

Мимо быстрой походкой прошел импозантный мужчина в кашемировом пальто. В его шикарных ботинках отразил-

ся тусклый свет лампочки плацкартного вагона. Он коротко взглянул на меня и продолжил свой путь, переходя из вагона в вагон, вероятно желая как можно скорей попасть в свой теплый СВ и наконец-то спокойно выпить чай из стакана в серебряном подстаканнике со звенящей серебряной ложечкой.

Время шло, а я так и продолжала сидеть, растворяясь в мерном стуке вагонных колес, свете мелькающих за окном фонарей. Неожиданно передо мной снова возник тот же мужчина, но уже без пальто. Он строго спросил меня: «Где ваши вещи?» Я показала на небольшую дорожную сумку. Он взял ее и так же строго то ли сказал, то ли приказал: «Пойдемте со мной!» Так мы прошли через несколько вагонов и оказались в его мягком, раскачивающемся, как будто не принадлежащем этому поезду вагоне. Мужчина резким движением отодвинул тяжелую дверь в пустое купе и сказал: «Вот ваше место!» И закрыл ее за собой.

Я не спеша разделась. Выпила чай из стакана в серебряном подстаканнике и сладко уснула. Проснувшись от резкого толчка. Поезд прибыл на Московский вокзал города Петербурга. В окне я увидела удаляющийся силуэт мужчины, так и оставшегося незнакомым. Он наскоро застегивал кашемировое пальто, в его ботинках отражались не погашенные с ночи питерские фонари.

«Вот ваше место», – прозвучало в моей голове. Да, ведь где-то, вероятно, есть мое место, об этом знает даже случай-

ный попутчик. Мое уникальное место в этой Вселенной. Может быть, оно уже давно ждет меня, а я брожу где-то, в глубине своего страдания, и не подозреваю о нем.

Дорогая моя девочка, это научило меня:
в этом мире есть твое уникальное место, которое
не может быть заполнено никем, кроме тебя.

Чегет

Горные лыжи. В 80-е люди, катавшиеся на них, казались просто-таки марсианами. Одним из таких космических людей был мой муж. В период покорения моего сердца он вел себя не так, как другие мужчины, которым я нравилась: не дарил цветов и подарков, не делал комплименты и даже не пытался поцеловать, чем вводил меня в полное заблуждение. Он цитировал Гомера и читал наизусть стихи Левитанского («Красный боярышник, веточка, весть о пожаре, смятенье, гуденье набата...»), пек вкуснейшие «Наполеоны», готовил хинкали, приглашал на шахматные турниры и спускался на руках с горнолыжных склонов. Как я теперь понимаю, он демонстрировал всё, чего достиг к своим 33 годам. И, надо сказать, производил на меня сильное впечатление. Всё это, как оказалось, он делал для того, чтобы я поняла: он безусловно составит мне достойную пару. Я не торопилась покоряться, за плечами был первый брак: безумная любовь и горькое разочарование.

Боже, как он катался! Он слетал с горы почти вертикально, управляя телом как талантливый танцор. Едва заметное движение... Поворот. Еще поворот, и он уже резко затормозил рядом со мной – счастливый победитель горных вершин. Ему хотелось не только продемонстрировать собственные умения, но и поделиться ими с близкими людьми. По-

этому мне тоже со временем предстояло освоить этот полет сквозь снежные склоны, и несколько лет спустя, оставив дочерей на бабушку, мы отправились на Чегет.

Великий Чегет! Одно только его имя вводило меня в трепет. Я ковыляла в гору со свойственным мне упрямством, падала, пыталась подняться и снова падала. «Доверяй склону, – говорил мне муж. – Просто ложись на склон. Ты же знаешь, как это – доверять себя». Да, я знала, как это – доверить себя мужчине и падать. Но с горой всё гораздо сложнее. Я была полностью поглощена этим занятием и не заметила, как ко мне подошел руководитель нашей группы – высокий мужчина, сухощавый и широкоплечий, седые волосы коротко подстрижены, огромные глаза, крючковатый нос и выразительные скулы. Мне он напоминал филина, однако звали его Лев. Открыто улыбаясь, глядя на меня широко распахнутыми, как у ребенка, глазами, он сказал, что Миша повредил колено, что он зайдет к нам вечером и посмотрит, чем можно помочь.

Часов в семь в наш номер постучали. Это был Лев. Миша сидел на кровати, колено не сгибалось и распухло. Лев подошел поближе, внимательно посмотрел на колено и попросил меня удалиться. Я спустилась в холл, налила себе чая и стала ждать. Минут через двадцать мимо меня прошел улыбающийся Лев, взглянул безмятежным глубоким взглядом, пожелал спокойной ночи. Я тихонько проскользнула в комнату и застала такую картину: Миша смотрит на свою ногу взгля-

дом, отражающим всё – от восторга до растерянности. Колено перестало быть синим, приобрело свой естественный цвет.

«Он врач? – спросила я. – Он вправил тебе колено?» – «Нет, он до меня даже не дотронулся. Но завтра я смогу снова кататься. Он экстрасенс». – «Кто такой экстрасенс?» В советской стране не было экстрасенсов: были врачи, колдуны, знахари, но никаких экстрасенсов. «Экстрасенсы – это люди, лечащие энергией», – ответил мой всезнающий муж, физик и закоренелый материалист. И сам остолбенел от своего заявления.

На следующее утро он вышел на склон как ни в чем не бывало. А вечерами они со Львом запирались в нашем номере, разговаривали, двигали силой мысли предметы и еще бог знает чем занимались. В последний день нашей поездки Миша решил прокатиться с длинного высокогорного склона, расположенного над ущельем Азау. В знак благодарности пригласил с собой Льва, и я, как всегда, была рядом. Кто мог знать, что эта поездка навсегда изменит всю нашу жизнь и с горы мы спустимся другими людьми.

Погода выдалась явно не подходящая. Мы поднимались на фуникулере сквозь тяжелые нанизанные на горные вершины тучи. Солнце едва пробивало их плотную оборону. Порывистый ветер раскачивал кабину словно игрушку. Тросы скрипели от напряжения. Я почувствовала себя плохо: стала задыхаться, пальцы леденели, сердце то бешено коло-

тилось, то замирало.

– Мне что-то нехорошо, – тихо произнесла я.

– Попей чаю, всё пройдет, – Миша нацелился на победу.

Я подошла к склону и посмотрела вниз. Ущелье было скрыто туманом. Еще мгновение – оттолкнулась и шагнула в бездну. За микронную долю секунды этот мир померк и растворился. Ко мне пришло яркое осознание: я умерла. Ни боли, ни страха, ни сожаления, ни тела, ни мыслей. Только знание – я умерла. Передо мной открылось иное измерение, иная реальность. То чувство, которое овладело мной, вернее тем, чем я себя осознавала, называется *покой*, но настоящего покоя по эту сторону жизни мы не знаем. Его здесь нет. Он существует там, за пределами нашего мира, и описать его невозможно. Воздух, как сжатый туман, представлял собой тоннель, ведущий к свету, яркому, белому. И то, чем я себя осознавала, было охвачено единственным тотальным желанием слиться с ним, раствориться до конца, стать частицей этого бесконечного сияющего света. Я преодолела уже часть пути, как вдруг неожиданно издалека я услышала свое имя – Света, Света... Этот зов вернул меня обратно в тело. Я открыла глаза и увидела две пары глаз – Мишины и Левины. Вот что они рассказали: у меня остановилось сердце, в медицине называют это клинической смертью. Они пытались привести меня в чувство, делали искусственное дыхание, но сердце не запускалось. Ехать вниз за помощью было бесполезно – я бы не продержалась так долго. Тогда Ле-

ва сказал: «Становись за мной и делай то же, что и я. Возвращай ее!» Миша представил, что ныряет в мое внутреннее пространство, глубже – пытаюсь достать меня. И в самой глубине, на границе восприятия, возник неуловимый контакт. И я вернулась. Мне было двадцать восемь, уходить еще рано. Сердце забилося, я очнулась. Случилось чудо: я больше не боялась смерти. Я больше ничего не боялась. Жизнь наполнилась сиянием ясности. Когда нет страха, ты не думаешь, чего ты не боишься. Когда приходит страх, ты боишься всего, о чем ни подумай. Это было мое новое рождение. Когда я открыла глаза, не осталось ни туч, ни ветра. Горные вершины сияли ослепительным солнечным светом. Миша аккуратно взял меня на руки и заскользил поперек склона, рискуя угодить в пропасть.

Внизу толпились люди. Кто-то крикнул: «Парень, ты сошел с ума!» И это действительно было правдой. Он сошел с ума. Перестал быть тем, кем был до этой поездки: физиком, аспирантом, материалистом. Он стал видеть: ауру человека, энергию, болезни. Видеть то, что нормальные люди не видят, а наука до сих пор считает несуществующим. Диссертацию он забросил, на работу больше не вышел. А в один из вечеров сказал мне: «Мой мир рухнул. Я не смогу так жить дальше, пока не создам новую картину мира». Снял рюкзак с антресолей, бросил туда теплые вещи и вышел. Я не знала, увидимся ли мы вновь или я вижу его в последний раз.

Неожиданный поворот событий столкнул меня в круг страданий. Всё, что мы создавали вместе, во что вкладывались оба, обожженные первым, несложившимся браком, всё, чем мы так дорожили – нашей семьей, нашей любовью, нашими девочками, бесконечными праздниками, пирогами и тортами, зажженными свечами, прогулками в Царицынском парке, тайными, пока дети спят, наполненными неутолимой страстью ночами, – всё это полетело в тартарары. Он просто взял и вышел. Потому что по-другому он не мог. А мы – три женщины, одна еще совсем юная и две маленьких, – остались.

Не знала, как жить дальше. Было так больно, что хотелось умереть. Убить в себе любовь, чтобы перестать чувствовать. Пережить снова это уже знакомое мне состояние покоя. Я не боялась смерти, но было нечто, чего я боялась больше смерти: жить без любви. И я решила сохранить любовь в моем сердце, чего бы это ни стоило.

Я сняла обручальное кольцо, положила его в шкатулку в глубине письменного стола и закрыла крышку.

Дорогая моя девочка, это открыло для меня: есть нечто большее за пределами знакомого нам мира. И мне потребовалось много времени, чтобы понять: это большее – всегда за тебя.

Обручальное кольцо

Мое первое обручальное кольцо было куплено на вырост, а может, не продавалось таких маленьких размеров на мой хрупкий девичий пальчик. «Родит – поправится», – решили старшие женщины в семье, и я забеременела в первую неделю замужества и родила прекрасную дочь, но не поправилась, а наоборот, так истощала, что больно смотреть. Но похудела я не в родном Крыму, где родила свою божественную дочь и провела первые полгода, а когда переселилась в Москву, где жила семья моего мужа, которого я любила какой-то, как теперь понимаю, отчаянной, страстной, скорее подростковой, любовью. Москва встретила сурово. Мы с мужем и малышкой по великому благу получили две комнаты в коммуналке: мой свекр работал в Совете Министров. Я оказалась в чудесной компании: вор-карманник, очень тихий в быту человек, по образованию повар, научивший меня делать сырники и никогда не бравший в квартире чужого, даже ложки сахара. Однажды он исчез на неделю, и поздним вечером я услышала грохот в коридоре, топот тяжелых ботинок. Я только уложила малышку спать, муж был на дежурстве. Он заканчивал мединститут, ночами дежурил в больнице и писал научную работу. Выглянув в коридор, я увидела, как моего тихого соседа, закованного в наручники, два милиционера затащили волоком в его комнату. За дверью слы-

шались звуки падающих предметов, видимо, искали что-то, затем так же молниеносно соседа выволокли на улицу и запихали в воронок. Больше я его не видела.

В комнате напротив жила сумасшедшая старуха. Каждый раз, когда кто-нибудь из жильцов посещал комнату раздумий, она выглядывала из-за своей двери, ложилась на пол, чтобы увидеть в щель туалета, кто становится ногами на толчок. Слово «толчок» я услышала впервые и с тех пор ненавижу его. Также впервые я увидела тараканов – однажды ночью вышла попить на кухню, по крымской привычке босиком, зажгла свет и через мгновение обнаружила себя запрыгнувшей на стол и отчаянно визжавшей. По полу разгуливали полчища усатых рыжих насекомых, которые тоже хотели пить.

Был еще один сосед, Толик, неизвестного рода занятий. Он дефилировал по квартире в майке и трениках. Мне казалось, что, перед тем как выйти на люди, он закатывал под майку арбуз приличного размера. Таков был его пивной живот. Я помню его потому, что однажды он запер меня на ночь в ванной комнате. Поздно вечером я стирала – громыхала тазом и шумела водой – и, похоже, не давала ему заснуть. Я устроилась в ванной, постелив на пол полотенце и еще не замоченное белье, и проспала на нем до утра.

(О мой крымский тихий уютный дом, пахнущий цветущей сиренью, заваливающейся в мое окно. Будящий меня поутру игрой солнечных зайчиков. Согревающий улыбками род-

ных, входящих со стуком в мою комнату с подносом, на котором чашка какао и гренки, посыпанные сахаром.)

Но главным персонажем для меня стала Нинка: красивая, высокая, статная женщина, обладательница низкого грудного голоса. У нее было двое детей и старушка мать, которые обитали где-то в захолустном Подмоскovie. Не знаю, хотела ли она, чтобы дети жили с ней рядом, но профессия в любом случае этого не позволяла: она была проституткой и этим заработком кормила себя и всю семью. Она прекрасно рисовала, помогала мне делать дипломную работу, имела художественное образование. Мои преподаватели пришли в восторг от ее миниатюр.

Как всегда, в девять вечера зазвонил телефон – толстый черный аппарат с крутящимся циферблатом стоял на полке в коридоре. Я только искупала Маню, и она, тепленькая и прекрасная, сидела у меня на руках и нежно обнимала за шею. Звонил мой муж, он только что сдал дежурство, пожелал нам спокойной ночи, сам же оставался переночевать в квартире родителей, которые были в отъезде. Дом находился в пяти минутах ходьбы от больницы, а завтра ему снова заступать в пять тридцать утра. Во время разговора за мной внимательно наблюдала Нинка. Она стояла опершись на притолоку, медленно и длинно курила, стряхивая пепел в старинную китайскую пепельницу. «Вот смотрю я на тебя, – произнесла она своим глухим голосом, – и думаю: ты дура или притворяешься?» Ее вопрос упал мне ку-

да-то в самую глубину, и распахнулся занавес, за который я и не думала заглядывать. Мелкие фрагменты начали мелькать в моей памяти со скоростью перемотки. Когда я возвращалась из поездок в Крым, в доме что-то неуловимо менялось: сдвинутая обувь, использованные полотенца, непонятно откуда взявшиеся в корзине для белья. И даже мой любимый плед – такое ощущение, как будто в него кто-то кутался, кроме меня. «Подержи ребенка», – попросила я Нинку, благо Маня была ангелом и любила всех людей на свете. Я выскочила на улицу, остановила машину и поехала к дому родителей мужа. В окнах на третьем этаже горел свет, я поднялась по мраморной широкой лестнице и прислушалась. Дверь была тяжелой, и сложно было понять, что происходит за ней. Я позвонила, никто не открыл. Звонила еще и еще раз. Нажимала на кнопку звонка, пока палец не посинел, не помня себя от отчаяния, билась в эту дверь, колотила руками и ногами, как будто от того, откроется она или нет, зависела вся моя жизнь. Совершенно обессилевшая села на мраморный пол, опустила руки, и мое обручальное колечко на вырост соскользнуло с пальчика. Я наблюдала, как оно, позвякивая, покатилося по зеркальному полу и запрыгало по лестнице вниз и вниз, пока не исчезло из вида.

В день моего рождения я развелась, судья сказала: «Поздравляю! Ведь это вы подавали заявление». Но поздравлять меня было не с чем: я не смогла, не сумела спасти нашу любовь. Не справилась. Боль оказалась слишком велика. Един-

ственное, что я могла сделать, – завершить эту ситуацию, выйти из нее.

Отец спросил меня: «Как это могло случиться? Каждый день ты получала и отправляла письма, полные признаний. Ты даже имя его не могла произнести без дрожи в голосе. Как ты допустила, что такая любовь превратилась в пепел и ненависть?»

Дорогая моя девочка,
никогда не соглашайся на обручальное кольцо
«на вырост».

Коробка с фотографиями

Люблю рассматривать семейные фотографии. Некоторые из них хранятся в альбомах, но самые дорогие сердцу живут в красивых картонных коробках. Я сажусь на пол, достаю их из глубины шкафа и... исчезаю. Пропадаю в воспоминаниях. Время перестает существовать.

* * *

Мама. На этой фотографии ей ровно столько лет, сколько мне сейчас...

В маме всегда было нечто непостижимое, какая-то тайная сила, которую я не могла разгадать. Я так любила эти яркие ясные зеленые глаза! Всегда спокойная и ровная, она смотрела на меня с любовью, пониманием и некоторым состраданием, даже не знаю почему.

Когда она уходила на работу, я потихонечку пробиралась в спальню, открывала красную пудреницу с лебяжьим пушком, брала в руки серебряные клипсы с лунным камнем и нюхала пробку хрустального флакона Chanel №5. Не могла и помыслить о том, чтобы померить клипсы, подушиться или попудриться. Мне никто не запрещал. Но всё, что касалось мамы, было окутано великой тайной.

Зеркало называлось трюмо, потому что состояло из трех частей. Я смотрелась в него и разглядывала себя со всех

сторон. Нет, я ни чуточки не похожа на маму: белобрысая и розовощекая, вся в отца, не царица, а просто девочка. Я старалась как можно аккуратней закрыть пудреницу, чтобы не оставить бело-розовых следов на полированной поверхности туалетного столика, и поставить флакон с духами ровно на прежнее место. Но у меня это никогда не получалось.

Приходила мама в любимом синем платье, которое так шло ее белой коже и темным волосам. Губы она красила вишневой помадой. Они были очерчены тонкой полоской, словно обведены карандашом, – как будто невидимый художник решил оттенить их красоту одним изысканным мазком. А туфли были белые, с золотой пряжкой. Мама смотрела на меня и на рассыпанную пудру как всегда – любящим и сострадающим взором. Не ругала, всё понимала. В этот миг казалось, что мне никогда не достичь этой высоты – глубинного понимания себя, покоя и принятия жизни такой, как она есть. Величия и простоты одновременно.

Повзрослев, я отправилась в путешествие навстречу своей женщине.

Я верила, что смогу открыть красоту, понять и принять себя, а может быть даже влюбиться в свою женщину, как когда-то в детстве была влюблена в маму.

Эта вера, как стрелка компаса, всегда указывала дорогу к самой себе и моему месту в этом огромном бескрайнем мире.

Когда смотришь на эту фотографию, вначале кажется, что на ней – кукла: идеальные локоны, нарядная матроска, лаковые туфельки – так меня одевали всегда.

...Мальчики меня интересовали с самого раннего детства. «Приходите свататься, я не буду прятаться, я невеста неплоха, выбираю жениха», – распевала я в четырехлетнем возрасте. И первая влюбленность случилась, когда к нам в дом приехал друг моего отца: на нем была военная форма, черный китель с блестящими пуговицами. Очень высокий, он казался мне настоящим великаном. От смущения я не переставая кувыркалась через валики кожаного дивана, выписывая немыслимые кульбиты. Он взял меня на руки и поднял высоко-высоко, как раньше делал только папа. Сердце застучало как у моего любимого кролика, когда я слишком сильно прижимала его к себе. С тех самых пор я не помню момента в своей жизни, чтобы я не была в кого-то влюблена...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.